

Народный поэт Шакир Дурды Клыч написал об Атаеве:

Ты умер, но дело твое не умрет.
Взглянул бы, как Родина наша цветет,
Как к новым высотам стремится народ...

1

М. Андриасов

ГУКАС МАДОЯН

Гукас Мадоян... Уже три с половиной десятилетия это имя известно каждому ростовчанину, каждому жителю донской земли. Оно вошло в летопись Ростова в суровые, огненные февральские дни 1943 года, когда над столицей тихого Дона взметнулось пробитое пулями красное знамя.

Слава о легендарном батальоне осталась не только в летописи нашего города. Раскроем третий том «Истории Великой Отечественной войны», подготовленный Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. На странице 98-й читаем: «Батальон под командованием старшего лейтенанта Г. К. Мадояна из 159-й отдельной бригады 28-й армии первым ворвался в город и захватил вокзал».

...Время стремительно листает удивительную книгу, имя которой — жизнь. С той памятной поры прошло много лет. А кажется, что все это было совсем недавно.

Кто из ростовчан — людей старшего поколения — не помнит то грозное и героическое время?! Подумать только: на протяжении семнадцати месяцев четыре раза лавина яростного огня перекатывалась через Ростов. Дважды в ноябре сорок первого, потом в июле сорок второго и в заснеженном феврале сорок третьего...

Люди и те памятные годы воспеты в книгах, стихах, песнях:

... Но вот вернулись снова мы,
Давя врага подковами,
Сметая каски вместе с головой...
Наш город — слава новая,
Наш город — жизнь суровая,
Идем мы вновь знакомой мостовой.
Ростов-город, Ростов-Дон...

Время не властно над именами тех, кто принес в наш город свободу. Сталинград опрокинул и повернул орды гитлеровцев вспять. Город бессмертной русской славы бесповоротно изменил ход войны. Однако, отступая от Волги, фашисты

отчаянно сопротивлялись, их путь до рейхстага был опален огнем ожесточенных сражений. Противник цеплялся за каждый населенный пункт, за каждую деревушку.

Важным стратегическим центром являлся Ростов.

Фашисты придавали городу большое значение. Они хорошо знали, что еще в годы гражданской войны Ростов называли воротами Кавказа. Тот, кто владел Ростовом, держал в своих руках ключ от этих ворот. Не зря в первый же день вступления фашистских войск в Ростов, 24 июля 1942 года, командующий 17-й германской армией генерал-полковник Роуфф пригласил японского военного атташе на высокий пролет взорванного железнодорожного моста, картинно простер руку к синевшему вдаль Батайску и самодовольно изрек:

— Ворота на Кавказ открыты! Близится час, когда доблестные войска фюрера и войска вашего императора встретятся в Индии.

Однако, как известно, войска фюрера и японского императора встретились не в Индии, а в лагерях для военнопленных...

В феврале 1943 года германское командование приказало своим дивизиям удержать Ростов во что бы то ни стало. Фашисты имели здесь позиционные преимущества. Они создали мощные укрепления, занимали высокий берег Дона. Сильный артиллерийский огонь закрывал подходы к городу. Густой сетью долговременных огневых точек прикрывалась насыпь железнодорожного полотна. Различные береговые сооружения, каменные постройки, жилые дома — все было оснащено минометами, пулеметами, автоматами. Укрепленные позиции опоясывались несколькими рядами проволочных заграждений.

Враг считал, что его оборона в Ростове неприступна. Загнанные в каменные здания города, гитлеровцы надеялись удержаться в Ростове до весны. А весной фюрер обещал им новое наступление на Кавказ. Запах бакинской нефти еще опьянял фашистов, по-прежнему мерещилась им кубанская и донская пшеница...

Ростов истекал кровью. Каждый день фашисты расстреливали патриотов. Камеры городской тюрьмы были забиты арестованными. Истрадавшиеся горожане уже слышали гул советских орудий. Огонь наступавших воинов взламывал вражескую оборону.

2

На рассвете 8 февраля батальон офицера Мадояна внезапным ударом захватил Ростовский вокзал. Фашисты поспешно отступили к Буденновскому проспекту. Но в ходе

дальнейших уличных боев им удалось окружить прорвавшийся в город батальон; германское командование предъявило ультиматум: «Предлагаем всем сложить оружие, в противном случае через два часа батальон будет стерт с лица земли. Намного больше. Ваша немногочисленная горстка будет раздавлена».

Мадояновцы с презрением отвергли ультиматум, и «немногочисленная горстка» завязала на захваченном плацдарме ожесточенное сражение, которое продолжалось шесть дней и шесть ночей. Герои отбили десятки вражеских атак. Фашистов привело в ярость красное знамя, вспыхнувшее над одной из улиц. На горстку храбрецов обрушился артиллерийский огонь. Автоматчики, прикрывавшие знаменосцев, ожесточенно отстреливались.

Знамя нес высокий, стройный солдат Владимир Левченко. Он поклялся донести его до самого вокзала. Когда впереди разорвался снаряд, Левченко на мгновение остановился, потом упал, снова вскочил на ноги, метнулся к ближайшему переулку. Но тут взорвался второй снаряд. Солдат попятился и, судорожно прижав к груди алое полотнище, упал... В тот же миг к нему подбежал второй знаменосец, черноусый и черноглазый Ванион Рамишвили.

— Володя, Володя! — кричал он. — Знамя держи! Знамя...

Ванион бежал по мостовой под градом пуль, они свистели над головой, проносились мимо. Он добежал до Левченко, взял древко, и снова знамя взметнулось над улицей, опаленной дымом. Но едва Рамишвили сделал два-три шага, как его подрезала автоматная очередь.

Огонь прекращен. Короткая зловещая тишина. Что гитлеровцы задумали? Из укрытия выскочили два фашистских автоматчика. Озираются, пригибаясь спешат к знаменосцам. Но, как часто случалось с солдатами фюрера, они явно переоценили свои возможности.

С противоположной стороны навстречу немцам бежали два советских автоматчика. Это Владимир Еременко и Сергей Павлов. Когда упал Рамишвили, сержант Максим Кравченко приказал идти этим двум...

— Знамя батальона, знамя батальона! — глухо повторял он. Но и без этого солдаты все понимали. Теперь же, когда они увидели фашистов, подбегавших к неподвижно лежавшему Рамишвили, страшная опасность потерять знамя стала еще ощутимее.

Противники бегут навстречу друг другу. Все меньше и меньше расстояние между ними. И фашисты не выдержива-

ют. Остановился один, потом другой. Первый что-то крикнул, второй круто повернул назад...

Павлов с ходу полоснул длинной очередью. Тот, что находился ближе, упал на колени, второй, согнувшись, побежал к своим солдатам. В этот миг и произошло неожиданное — фашиста обстреляли и убили фашисты...

Тем временем знамя батальона принял в свои руки Павлов. Наверное, Сергею и Владимиру Еременко не удалось бы благополучно отойти к своим, выйти невредимыми из смертельного поединка, но, к счастью, подоспели товарищи. Солдаты, направленные на помощь отделению Кравченко, с боковой улицы стремительно напали на немецкую засаду.

Павлов, счастливый, раскрасневшийся, передавал знамя командиру отделения.

— Знамя держи в своих руках, — сказал сержант. — Теперь тебе и водружать его над Ростовом.

3

Павлов лежал недалеко от Ковальчука. Привокзальная улица обрывалась перед ними на повороте к Темерничке. Бойцы видели, как на улицу снова вышли немцы и уверенно зашагали к позициям батальона.

— С чего это они так расхрабрились? — обратился Павлов к Ковальчуку.

— С водки, наверное, — ответил тот. — Слышишь, горланят-то как.

Павлов присмотрелся: серо-зеленые фигуры продвигались, качаясь из стороны в сторону, словно их раскачивал сильный ветер. В движениях солдат появилась несвойственная немцам ухарская беспечность. Некоторые сильно размахивали руками, запрокидывая голову, что-то громко кричали. Храбрость фашистов держалась не только на водке. Они догадывались, что боеприпасы окруженных на исходе. Эсэсовцы подходили все ближе и ближе, а русские молчали.

Комбат берег патроны. Бойцам он строго приказал не стрелять до тех пор, пока не будет команды. Безмолвно лежали бойцы, и оттого, что они не могли сейчас уничтожить врага, который находился рядом, лица их помрачнели.

Комбат рассчитывал отбросить фашистов ливнем пулеметного и автоматного огня. Он решил открыть его с предельно близкого расстояния, чтобы бить наверняка. На случай появления танков Мадоян выставил бронейщиков. Они укрепились за разбитыми колоннами бывшего павильона газированных вод. С ними был капитан Шуденко.

цев. Ведя неприцельный огонь из автоматов, фашисты шумно бежали к площади. Бойцы насторожились, руки их сильнее сжали оружие. Теперь каждая секунда дорога.

Мадоян подал сигнал, и залп хлестнул по немцам. Многие из них, как подкошенные, свалились замертво. Уцелевшие замедлили шаг, стали растерянно озираться, но, подгоняемые офицерами, снова пошли вперед. Бойцы дали еще один залп.

Фашисты остановились, нерешительно затоптались на месте. Момент был подходящий. Мадоян бросил солдат в штыковую атаку. Но в это время позади наших подразделений раздались выстрелы, послышалась немецкая речь.

В тыл батальона просочилась группа вражеских автоматчиков. Она прорвалась со стороны Ленгородка и, опрокинув выставленные там заслоны, спешила теперь на соединение с теми, кто атаковал батальон с фронта.

Положение становилось критическим. Попятившись было назад, эсэсовцы снова приободрились. Фашисты сжимали батальон с двух сторон. Завязалась ожесточенная рукопашная схватка. Мадоян бросился в гущу боя.

Советские бойцы сходились с фашистами вплотную, бились молча. Слышались лишь лязг штыков да выстрелы. По сторонам падали раненые, хрипели умирающие...

Павлов действовал прикладом винтовки, точно в руках у него была дубина. Один за другим обрушивал он смертельные удары, стараясь прикрыть своим телом комбата. Мадоян отстреливался из пистолета.

Незаметно сбоку к моряку подобрался рослый немец и в упор выстрелил в него. Ковальчук видел, как Сергей выпустил из рук винтовку и, согнувшись, медленно опустился на асфальт. В два шага ростовчанин оказался возле эсэсовца и сильным ударом сбил его с ног. Но в следующий миг Ковальчук увидел двух фашистов, сзади подбирающихся к Мадояну. Александр успел предупредить комбата. Загородив его своим телом, боец уложил прикладом первого эсэсовца, но штык второго свалил Ковальчука...

Много фашистов полегло в этой горячей схватке. Несколько своих храбрецов потерял и Мадоян.

Фашисты откатились к Темерничке.

4

Вечером из ворот маленького домика, недалеко от Лендворца, выглянула девушка. Пристально всматриваясь в черную пустоту улицы, прислушиваясь к малейшему шороху, она осторожно прикрыла за собой калитку и медленно пошла вдоль стены по направлению к вокзалу. Неслышно ступая по

разбитому тротуару, она то и дело останавливалась, прислушивалась и снова продолжала путь...

В густом мраке перед ней внезапно выросла фигура красноармейца. Девушка остановилась, с волнением всмотрелась в лицо бойца.

— Я ростовчанка, товарищ... Хочу видеть вашего командира.

— Из местных жителей, значит? — спросил Потапыч. — Так... А что это за вещи у вас, гражданочка? — указал он на мешок.

— Это хлеб для вас.

— Хлеб? — обрадовался Потапыч. — Доброе дело, гражданочка. Так мы сейчас поможем вам. Позвольте! — И он протянул руку к мешку.

Пройдя немного, Потапыч негромко окликнул кого-то. Появился Стрельцов.

— Отведешь гражданочку в штаб, — сказал Потапыч. — И это туда, — прибавил он, передав солдату мешок.

Подойдя к диспетчерской, Стрельцов попросил девушку подождать минутку, а сам спустился вниз.

— Товарищ комбат, — доложил он, — вас хочет видеть одна гражданочка, из ростовских.

— Кто?

— Одна гражданочка. Говорит, хлеб принесла.

Мадоян обменялся взглядом с начальником штаба:

— Пусть войдет!

Высокая, стройная девушка осторожно спустилась в подвал, застенчиво, по-детски улыбнулась. Из-под темной шали на лоб свисал черный завиток.

— Меня люди послали к вам, жители Ростова, — виновато сказала она.

Мадояну приятно было слышать ее голос.

— Проходите, присаживайтесь, — пригласил он.

Девушка подошла к офицерам.

— Шесть месяцев не видела вас, а кажется — будто несколько лет... Мой брат, Михаил, тоже где-то на фронте... Живем мы здесь, недалеко от станции, — говорила девушка.

Она рассказала, как женщины-соседки решили помочь бойцам и поручили ей передать свой скромный подарок.

— Может, вам и не очень понравится хлеб наш, — предупредительно говорила она, — да уж не взыщите, другого мы при немцах не видели. Тут лепешки ячменные, сухари прошлогодние.

И с этими словами она принялась развязывать мешок.

104 Офицеры внимательно следили за каждым ее движением. Эта

скромная русская девушка — Лидия Дмитриева — была посланцем тех, ради кого они бились и переносили ратные страдания...

Мадоян отчетливо представил своих солдат, которые в поисках хлебных корок вывертывали карманы, вытряхивали вещевые мешки. Конечно, сухарей и лепешек, принесенных Лидой, для батальона было мало, очень мало, но комбату хотелось подойти к девушке, крепко расцеловать ее, горячо поблагодарить.

— Спасибо, милая девочка, — сказал он дрогнувшим голосом. — Спасибо! Подарок ростовских женщин мы с удовольствием принимаем. Спасибо и за лепешки, и за сухари, а главное — спасибо за материнскую заботу!

Девушка улыбнулась. В ее глазах светились слезы.

Мадоян заговорил о другом:

— Скажите нам, Лида, вот что: как вы шли к нам одна, ночью? Не боялись? Ведь если бы вы попали в руки фашистам, они немедленно расстреляли бы вас. Вы жизнью рисковали, девушка...

— Жизнью? — переспросила она. — А разве ваши бойцы, вы сами не рискуете жизнью ради нас? Разве в борьбе за нашу жизнь мало погибло воинов?! Нет, товарищ командир, я не рисковала жизнью, я только выполнила свой долг...

Наступила тишина. Слышно было, как в лампе потрескивал фитиль. Теперь Лида обратилась к Мадояну:

— Разрешите мне остаться здесь. Я смогу быть вам полезной.

Комбат задумался.

— Хотите помогать нашим медикам? — спросил он.

— От всей души, — глаза ее светились радостно. — Я до войны училась на курсах, могу делать перевязки...

— Ну и отлично! — заключил старший лейтенант и попросил начальника штаба проводить девушку на санитарный пункт.

Лепешки и сухари, принесенные Лидой, решено было раздать раненым.

5

Сражение за Ростов продолжалось с нарастающим ожесточением. Ничего не могли поделать фашисты с теми, кто на смерть стоял на освобожденных камнях родного города.

Тщетно бесновался гитлеровский генерал Гот, грозно требуя от немецкого коменданта оккупированного Ростова генерала Киттеля: «Любой ценой удержите Ростов! За город вы отвечаете головой!».

Видимо, участь киттелевской головы была решена. Мадояновцы продолжали удерживать вокзал. И вновь генерал Гот лихорадочно приказывал Киттелю: «Очаг в районе вокзала — это смертельная взрывчатка, на которой вы сидите. Ликвидируйте его!».

Легко было Готу говорить: «Ликвидируйте его!» Но Киттель этого уже не мог сделать. И тщетно гитлеровцы бросали в бой против группы отважных советских воинов головорезов из дивизии СС «Викинг» и части 23-й танковой дивизии.

На рассвете 14 февраля в Ростов ворвались главные силы Южного фронта, которыми командовал выдающийся советский полководец Р. Я. Малиновский.

Более тридцати лет назад выдающийся советский поэт, Герой Социалистического Труда Николай Тихонов писал в газете «Красная звезда»: «Богатырским представляется образ Героя Советского Союза Гукаса Мадояна. Ворвавшись первым в Ростов, он укрепился у вокзала и у завода имени Ленина... Окруженный врагами, отражая по нескольку атак в день, окруженный морем огня, почти без боеприпасов, держался он, дерясь и наводя ужас на немцев, до прихода главных сил. Этот эпический бой говорит о том, что, воспитанный в советской школе героизма, Мадоян проявил здесь свое национальное мужество, доблесть своих предков, упорно сражавшихся за честь и независимость своей земли против всех вековых врагов. В тот час испытания Мадоян нашел в себе дух далекой Армении, сказавшей ему, как мать сыну, слова о беззаветной любви и преданности Родине, о его воинской присяге».

За доблесть и отвагу, за умелое командование батальоном Гукасу Карповичу Мадояну было присвоено звание Героя Советского Союза. Тогдашний президент Соединенных Штатов Америки Франклин Делано Рузвельт за подвиг в Ростове наградил Мадояна золотой медалью «За боевые заслуги».

В дни празднования 25-летия освобождения столицы Дона от фашистов, в феврале 1968 года, Ростовский горсовет присвоил звание почетного гражданина города Ростова Клименту Ефремовичу Ворошилову, Семену Михайловичу Буденному и Гукасу Карповичу Мадояну. Высокая честь была оказана бывшему командиру батальона!

В течение трех десятилетий Гукас Мадоян часто встречался с ростовчанами. Эта дружба крепла год от года. И бывший комбат каждый раз с печалью вспоминал тех, кто не вернулся с войны...

— Когда наши войска еще были в сальских степях, на пути к Ростову, — рассказывал он, — солдаты рвались к Дону,

каждый хотел быстрее прийти, поскорее освободить город, родных советских людей.

Вы знаете, дорогие товарищи, что не все солдаты-освободители дошли до ваших улиц, до ваших домов. Многие из них пали под стенами города.

Дорогие ростовчане, мои друзья! Мне хочется вас всех называть земляками, и у меня, кажется, есть на это некоторое право.

После освобождения Ростова прошло много лет. Не узнать город! Произошли огромные перемены, появились не только новые улицы — выросли целые кварталы, новые районы города. Ростов стал удивительным красавцем!

Я из Еревана с волнением слежу за моим Ростовом и знаю, как трудятся ростовчане, все жители Дона, как они успешно выполняют намеченные планы.

Хочется еще вот о чем сказать. Когда наш батальон шел к Ростову, захватил вокзал и бойцы шесть дней вели ожесточенные бои против фашистов — у нас служили солдаты и офицеры восемнадцати национальностей — русские, украинцы, белорусы, армяне, грузины, таджики, азербайджанцы...

Примером для всех нас в бою были сыны русского народа, народа доброго, мужественного, храброго.

Мой народ всегда помнит и другое: еще в прошлые времена русские спасли Армению от турецких захватчиков. Это башбузуки султанской Турции вырезали два миллиона армян, убили мою мать, моих сестер и братьев.

...Я низко кланяюсь тебе, Россия, твоим благородным сынам!..

* * *

11 июня 1975 года в Ростов из столицы Армении пришла печальная весть: умер Гукас Мадоян. Сказались тяжелые раны войны, изувечившие этого бесстрашного человека.

На похороны почетного гражданина, одного из славных освободителей Ростова, выезжала делегация ростовчан. В ее составе были рабочий, Герой Социалистического Труда Михаил Дудаль, секретарь Ростовского горкома КПСС Петр Дзюбенко и автор этих строк.

Весь Ереван — красивый миллионный город — провожал Гукаса Карповича в последний путь. Его прах покоится в Ереванском пантеоне, где армянский народ хоронит своих выдающихся сынов.

7

Никогда благодарные ростовчане не забудут тех, кто во-
друзил над их родным городом красное знамя.

Была в Ростове, в Железнодорожном районе, широкая просторная улица. Называлась она Слесарной. Теперь, в память о незабвенном комбате, у нее новое имя: улица имени Гукаса Мадояна.

... Привокзальная площадь. Много помнит, о многом могла бы она рассказать. На стене вокзала давно укреплена мемориальная доска. Золотыми буквами написано: «Здесь, на Привокзальной площади, с 8 по 14 февраля 1943 года, находясь в окружении, героически сражался батальон старшего лейтенанта Гукаса Мадояна».

Героически сражался, и потому вечно будет жить в памяти ростовчан.

